

СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ СУПЕР-КРИЗИСА: КАК ВЫБРАТЬСЯ ИЗ КОЛЕИ?» НА XII МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В рамках XII Международной социологической Грушинской конференции, тема которой в 2022 г. была обозначена как «Общество в поисках баланса», прошла секция «Экономическая культура и экономическое поведение населения в преддверии супер-кризиса: как выбраться из колеи?». Секция была организована Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римащевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) и Департаментом социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (далее — Финуниверситет). Со-модераторами секции выступили О.А. Александрова, д.э.н., заместитель директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, и А.Г. Тюриков, д.социол.н., проф., руководитель Департамента социологии Финуниверситета.

Работа секции была отмечена оргкомитетом конференции за плодотворность и высокий содержательный уровень дискуссии. В качестве отправного пункта организаторами секции был сформулирован следующий тезис: «Специалисты отмечают цикличность в социально-экономическом развитии России: отставание — экзистенциальный вызов — модернизационный рывок — отставание... Сегодня Россия вновь стоит перед экзистенциальным вызовом. В этой ситуации ключевым исследовательским вопросом является выявление культурно-поведенческого потенциала и реальной возможности совершения российским обществом нового модернизационного рывка без последующего воз-

вращения в колею привычного цикла». В развитие этого тезиса был предложен для обсуждения ряд вопросов. Экономическая система и экономическая культура: спор между «курицей и яйцом»? Исторический опыт модернизационных рывков: что и как изменяло и формировало экономическую культуру населения России? Чем обусловлена цикличность социально-экономического развития, какова роль экономической культуры и социальной пересборки? Экономическое поведение современных россиян в сфере производства, обмена и потребления: движение по колее или выход на новую дорогу? Экономическая культура современной молодежи: фактор консервации или развития? Кто ведущий, а кто ведомый в цифровом финансиализированном обществе: родители или дети? Возможно ли конструирование искомой экономической культуры, и, если да, то с чего следует начать?

Логика работы секции строилась следующим образом: сначала прозвучали задавшие теоретико-методологическую канву дискуссии доклады теоретического характера, подготовленные учеными — философами, социологами, культурологами, экономистами, а затем — доклады, описывающие современные социальные практики.

Открыла работу секции Н.Н. Федотова, д.социол.н., доцент, проф. РАН, проф. кафедры социологии МГИМО(У) МИД РФ, с докладом на тему «Социальные науки и культура», посвященным обсуждению причин исключения культуры из сферы экономического анализа. Экономика дольше других наук и исключала культуру из своего анализа, и сопротивлялась её так называемому пе-

реоткрытие. В последнее время экономисты начали учитывать роль культуры в своих исследованиях, хотя проблемы, которые определяют сложность принятия культуры экономикой, сохраняются. Во времена А. Смита культура была частью экономической мысли, но в XVIII в. возникло представление о том, что разные общества могут находиться на разных этапах универсального пути по направлению к «культурности». В XIX в. начали разделять понятия «культура» и «цивилизация», что нашло отражение в концепции национальных культур и национальных государств, а также в представлении о культуре как наборе характеристик, связанных с идентичностью общества и направлениями его развития. Кроме того, в XIX в. экономистов от культуры отвернула её политизация, берущая начало в трудах К. Маркса, считавшего культуру инструментом гегемонии правящего класса и легитимизации существующего социально-экономического порядка. К концу XIX в. понятие «культура» окончательно уступило место понятию «цивилизация», под которым понимался спланированный рационально социально-экономический и политический прогресс. Понятие же культуры стало использоваться для характеристики отсталых обществ, отождествляться с иррациональностью, отсутствием изменений и т.д. То есть, из значения «культурация» культура превратилась в «традицию» как противоположность идее современного, в том числе, и экономического развития и, соответственно, стала тем, от чего нужно избавляться. И несмотря на то, что ряд выдающихся представителей экономической мысли (Т. Веблен, М. Вебер) доказывали иное, подобные подходы были изгнаны на обочину экономической мысли. Так разошлись пути экономической науки с социологией, антропологией и другими науками, а культура как периферия ушла к другим наукам. В результате такого понимания своего предмета и метода экономика расколола меньше, чем другие социальные науки, но платит за это высокую цену — постоянным сжатием своего поля.

Возвращение культуры в экономическую науку стало происходить в послед-

ние десятилетия XX в., чему способствовало наличие кросс-культурных массивов данных, позволяющих обнаруживать закономерности, а также падение коммунизма и рост ряда азиатских стран. В целом же социальные науки обратили внимание на культуру с конца 1960-х годов. Интерес был вызван кризисом модерна, обращением внимания на те вопросы, которые модерн игнорировал — меньшинства, гендер, расы, локальная идентичность и подобное. Но и в этих науках понимание значения культуры было достигнуто не сразу, например, лишь в 1986 г. американская Ассоциация политической науки призвала политологов серьёзно учитывать роль культуры. Социология не порывала с интересом к культуре, но он не был равномерным, что позволяло некоторым социологам утверждать, что на протяжении значительной части XX в. её интересы сосредотачивались на структурах, институтах и практиках социальных отношений в условиях капитализма, и связанных с ними вопросах неравенства и социальной стратификации. Пик возвращения интереса социологов к культуре пришёлся на 1990-е и 2000-е гг.: культура стала восприниматься как центральная категория социальной жизни, влияющая и на экономику. Сегодня культура начинает выходить на передний план, становясь политической силой, нередко действующей с перехлёстами. Таким образом, за век она прошла эволюцию от малозаметной переменной до «черной дыры», которая притязает на гегемонию как в исследованиях, так и в общественной жизни. Отсюда — призыв исследователей видеть общество там, где сегодня избыточно говорят о культуре, то есть, не совершать в отношении общества такую же редукцию, как бывшее «изгнание» культуры.

В докладе д.филос.н., главного научного сотрудника Института философии РАН В.Г. Федотовой на тему «Фактор культуры и модернизация: глядя из будущего» были раскрыты ключевые идеи методологии, согласно которой модернизацию нужно интерпретировать как процесс, исходя-

ший из целей будущего развития. Отсюда и методологический прием, при котором воображаемый культурный фактор, идентичности, образы строятся не только для существования в настоящем и понимании прошлого, но и исходя из ожиданий от будущего. Для России, которая переосмысливает прошлое и настоящее, важен именно такой взгляд, который позволил бы определить перспективы её будущего, ориентируясь на культурные и прочие достижения. Речь идет о перспективах (а не о перспективе) в силу нарастания нелинейности развития, экономических и прочих кризисов и ситуаций, которые выбивают почву у линейности. В стране есть ряд немодернизированных начал, в некоторых регионах присутствуют архаические начала, которые активно сопротивляются изменениям, которые они не понимают или не хотят принимать. Не парадоксальность идеи использования в рамках методологии «глядя из будущего» имеющихся недостатков как способа побуждения к культурно-модернизационным изменениям раскрыта А. Аузаном, подчёркивающим, что в разных странах при модернизациях требуется использовать разные ключи, позволяющие применить традиционное для движения вперед. Таким ключом может стать концепция промежуточного института — не идеального института, который способен учитывать специфические для страны ограничения и темпы процессов. Например, таким был институт земства, который, будучи институтом гражданского общества, учитывал наличие сословной иерархии и самодержавной власти, и, в результате, стал важным элементом развития, принёсшим ощутимые плоды; в Южной Корее традиционная клановость была использована как промежуточный институт. Академик В. Полтерович, также активно работающий с концепцией промежуточных институтов, определил их как работоспособные при имеющихся ограничениях институты, ведущие к ослаблению этих ограничений, что создаёт условия для дальнейших преобразований.

Демократизация Запада тоже происходила не за один шаг: в XIX в. речь шла только о белых мужчинах и был имущественный ценз, в XX в. гражданские и избирательные права получили женщины и афроамериканцы, сегодня в повестке дня права коренных народов, разнообразных меньшинств и так далее. То есть, модернизация Запада также достигалась путем строительства промежуточных институтов, которые соответствовали ценностными представлениями определённого времени, а также представлениями к модели будущего. Важно, что подход на основе промежуточных институтов не требует немедленного рывка и радикального переустройства общества, а позволяет использовать для выхода из кризисов то, что есть. Но чтобы он работал, нужно иметь образ будущего, и оттуда посмотреть на себя сегодняшних для понимания вектора развития, в том числе и в сфере культуры. В России обсуждение будущего экономического развития всегда сводится к определению её места между Востоком и Западом с разделением на почвенников, западников и евразийцев. Предлагается подходить к этому вопросу не как к характеристикам пути развития России, а как к курсам интерпретации, которые должны быть учтены. Тогда нет места для споров о единственной истинной точке зрения, признаётся, что в каждом подходе есть зёрна истины, и вопрос о пути будет решаться на пересечении этих ракурсов. Взгляд на себя из будущего позволяет увидеть задачу модернизации в нахождении возможностей для рационального договора о базовых национально-государственных ценностях и интересах, идентичности, и на основе понимания того, что без развития Россия не может быть великой страной и преодолеть конфликт между представителями враждующих течений.

Выступившая д.филос.н., проф. фило-софского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Л. А. Булавка-Бузгалина начала свой доклад на тему «Человек в экономике: культура versus рынок» с вопроса, что является более определяющим фак-

тором: общественные отношения в сфере экономической деятельности или, всё-таки, экономическая культура? И подчеркнула, что здесь не обойтись без диалектики. Экономическая культура — это способ включения в систему экономических отношений на основе культурных императивов, а её составляющие — это знания, умения, этические нормы, способы включения в эту деятельность и так далее. Все они целостно представлены в субъекте экономической деятельности. При этом он сам является продуктом более общей системы общественных отношений и, соответственно, культуры как таковой. Поэтому, прежде всего, важно рассмотреть, как культура в целом определяет субъекта экономической политики и экономической культуры. Здесь не обойтись без понятия отчуждения, поскольку проблема отчуждения — центральная проблема культуры. Если речь идет о художественной культуре, то отчуждение просто фиксируется — критикуется не оно, а лишь формы его проявления: например, писатель М. Булгаков, не будучи марксистом, критиковал ту действительность, которая порождена отчуждением; далее — критика самого содержания отчуждения, здесь примером служит В. Маяковский. Следующий момент — это когда культура несёт преодоление отчуждения: разотчуждение.

В какой мере современная культура соотносится с отчуждением, какие оно принимает формы? Во-первых, сегодня отношения купли-продажи стали основой универсального модуса социального бытия культуры, властвуют не только над формой произведений культуры, но и над их содержанием. Во времена создания Третьяковской галереи произведения художественной культуры приобретались, но не становились феноменом лавочной культуры — они имели только товарную форму, содержание же оставалось высокохудожественным. Во-вторых, сегодня культура оказалась в ситуации нарастающего диктата «рыночного тоталитаризма», который являет собой синкретичное един-

ство симулякров всех сфер экономики: продукт, а, точнее, товар, выступает как бренд, политическая позиция — как политический жест, а художественный феномен — как симулякр артефакта. То есть, три разных сферы — экономика, политика и культура, имеющие, казалось бы, свои особенности, пришли к общему знаменателю — всё это сферы производства товара, который представлен, прежде всего, знаком (можно добавить — пустым знаком). Именно это формирует современного субъекта. В-третьих, все это — проявление глобальной гегемонии капитала, которая своими рыночными, бюрократическими, масс-медийными щупальцами создает главный, онтологический принцип современного человека — потреблять. Причём потребление выступает не как гедонистический акт, а как симулякр. Такое потребление становится средством комфортного отчуждения индивида от реальности, формой легитимации бессубъектного существования в системе общественных отношений. Все это приводит к распаду и разложению и художника, который творит искусство как товар, и потребителя, для которого именно бренд становится навигатором при покупке произведения искусства. В-четвертых, современный рынок привнёс новый симулятивный тип потребления, когда главным является не потребительная стоимость товара, а то, в какой мере он может служить атрибутом престижного потребления, которым в рамках этой парадигмы измеряется общественная значимость человека. Сегодня стоит задача — преодолеть власть мира симулякров, найти способ снимать власть пустых знаков, отчуждения. Это возможно только на основе такой деятельности в сфере экономики и культуры, которая будет рождать новый тип общественных отношений, в котором человек не будет отчужден от своей родовой сущности, от другого человека, от своей деятельности и её результатов.

Тему поиска выхода из исторической колеи в контексте экономической культуры продолжила д.э.н., заместитель ди-

ректора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН О. А. Александрова, выступившая с докладом на тему «Экономическая система и экономическая культура: как найти выход из замкнутого круга?». Та или иная экономическая система формирует соответствующую ей экономическую культуру, которая, в свою очередь, определяет те или иные модели экономического поведения: горизонты планирования, готовность к кооперации, терпимость к тем или иным девиациям, трудовую этику и так далее. Реализуя детерминированные экономической системой хозяйственные практики, экономические субъекты неизбежно включаются в процесс её воспроизводства. Сложившаяся в современной России экономическая система имеет немало общих черт с описанным М. Вебером «авантюристическим капитализмом», притом, что страна остро нуждается в переходе к более созидательной модели. Порождённые нынешней экономической системой культурные паттерны не соответствуют экономической культуре производительного капитализма. Для выхода из замкнутого круга, в котором неэффективная экономическая система и порождаемая ею экономическая культура и хозяйственная практика взаимно подпитывают друг друга, необходимо осознание тупикового характера нынешнего вектора развития, прежде всего, политико-экономической элитой, поскольку именно она способна, обуздав свой экономический эгоизм, изменить институциональный контекст таким образом, чтобы в выигрыше оказывались индивиды и хозяйствующие субъекты, чья экономическая культура созвучна не «авантюристическому», а производительному капитализму.

В докладе Н. В. Аликперовой, к.э.н., ведущего научного сотрудника лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН «Микроэкономика личности и её роль в формировании финансово грамотного поведения» подчеркивалось, что в последнее десятилетие наблюдается экспоненциальный рост применения поведенческих подходов к реше-

нию поставленных государством задач. В связи с этим академические исследования в России и за рубежом сосредотачиваются на вопросах, связанных со способами изменения поведения отдельных индивидов, в частности, потребителей финансовых продуктов и услуг. По мере развития исследований на микроуровне всё большее внимание уделяется потенциалу поведенческих представлений для решения проблем на мезоуровне, в том числе вопросу о том, как поведенческая рефлексия может способствовать организационным изменениям. Это задает направления научного поиска: что представляет собой экономический агент — участник финансового рынка, какие факторы влияют на принятие им решений в части выбора и формирования стратегий финансового поведения, почему одни стратегии имеют правомерный характер, а другие — девиантный, как на это можно повлиять.

Ю. В. Бурдастова, к.э.н., старший научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН в выступлении на тему «Экономическое поведение населения как показатель уровня жизни» указала, что в современном мире уровень жизни населения играет важную роль, гарантируя стабильное развитие страны, уверенность в завтрашнем дне, высокий уровень доверия граждан к государственным и финансовым институтам. В российских же реалиях формирование продуктивного экономического поведения граждан регулярно осложняется влиянием на уровень жизни домохозяйств внешних обстоятельств. В конце XX в. это были либерализация цен 1992 г. и дефолт 1998 г., в начале XXI в. — мировой финансовый кризис 2008 г., «кризис санкций» 2014 г., кризис, вызванный пандемией COVID-19, в 2020 г., 2022 г. — геополитический кризис, который неизбежно скажется на уровне жизни и, соответственно, экономическом поведении населения. Каким оно будет — чисто адаптивным, воспроизводящим прежние, далеко не всегда продуктивные практики, или новаторским — с освоением более со-

зидательных практик, покажет время.

В своем совместном докладе на тему «Финансовое мошенничество в период пандемии: новые тренды в России» сотрудники лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН к.тех.н., доцент С.В. Крошилин и д.э.н., доцент Е.И. Медведева обратили внимание на то, что современное общество сталкивается не только с вызовами, обусловленными передовыми технологическими инновациями, но и с факторами, появление которых было сложно предсказать. За два года жизни в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции населению пришлось адаптироваться к режиму «самоизоляции», удаленной работе, обязательности QR-кодов. Введенные ограничения на перемещения и непосредственное взаимодействие способствовали бурному развитию информационно-коммуникационных технологий, вовлечению населения в их использование при он-лайн покупках, получении справок и документов и т.д. Востребованность онлайн-формата обусловило не только повышенный спрос на коммуникационные услуги и развитие Интернет-торговли и банкинга, но и способствовало появлению новых видов финансового мошенничества с использованием коммуникационных технологий, к чему население оказалось не вполне готово.

Тема выступления Д.И. Маркова, заместителя заведующего учебно-научной социологической лабораторией Финуниверситета, была обозначена как «Долгосрочные экономические ожидания современной молодежи: «русская мечта», перспективные отрасли производства и накопительные пенсии». Развитие национальной производительной экономики невозможно без устойчивой системы взаимных ожиданий между государством, гражданами, бизнесом и общественными институтами. В этой связи представления молодежи о рисках на рынке труда, при взаимодействии со сферой долгосрочных инвестиций и страхования будут играть ключевую роль. Доверие молодеж-

ных поколений к государству как гаранту, способному предложить и обеспечить перспективную жизненную траекторию, является основополагающим фактором развития и реализации человеческого капитала в границах сложившейся институциональной матрицы — формальных норм и культурных ограничений (привычек, традиций и другого). Докладчик познакомил участников секции с эмпирическими данными, касающимися представлений молодежи о «русской мечте», её осуществимости и способах реализации, а также о том, чем в этом плане может и должно помочь государство.

А.Г. Тюриков, д.социол.н., проф., руководитель Департамента социологии Финуниверситета в докладе на тему «Сетевые инструменты формирования доверия населения к деятельности органов власти в кризисных ситуациях» подчеркнул, что феноменальная сущность доверия наиболее рельефно проявляется в ситуациях с высоким уровнем неопределенности, каковыми являются кризисы. Это обусловлено тем, что ожидания акторов, прежде всего, основаны на предыдущих результатах взаимодействия. В периоды кризисов население ожидает результативных действий властей, которые они уже осуществляли в стандартных ситуациях. Если их действия формировали доверие, то позитив пролонгируется, если нет, то ожидания приобретают негативный характер.

Материал подготовили:

Александрова О. А., д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ;

Ярашева А. В., д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН.